VISIT…

LANZAROTE

Caliente.com

УЧЕНЫЙ – ВСЕГДА ПРАВ?
Храмов А. В.

Храмов Александр Валерьевич – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Палеонтологического института РАН. Автор более 20 научных статей, а также научно-популярных материалов, публиковавшихся в таких изданиях, как "National Geographic", "Наука и жизнь" и др.

В споре об отношениях религии и науки непростительно часто применяется один весьма некорректный прием. Те, кто желает доказать, что наука и религия совместимы, приводят в пример ученых, одобрительно высказывавшихся о вере. Те, кто считает, что они несовместимы, приводят в пример высказывания ученых-атеистов. Мало того что просто утомительно читать эти батареи цитат, часто выдранных из контекста (отрывочная цитата едва ли что-то говорит о религиозных взглядах ученого), так защитники религии часто пытаются доказать нам, что Эйнштейн был верующим, хотя на самом деле он был агностиком и его религиозные убеждения можно было бы назвать скорее умеренным пантеизмом.

Вера вере рознь, так что иногда иной атеизм лучше подобной "веры" многих ученых, на которую любят указывать излишне ретивые защитники христианства. С другой стороны, атеистические высказывания не всегда позволяют видеть в ученом атеиста. Атеизм многих ученых – это не вызывающая поза или упоение своим свободомыслием ("Долой опиум для народа!"), а, скорее, простое нежелание всерьез посмотреть на религию как на возможный способ жизни ("Мне нет дела до этого").

Однако существует еще более серьезная причина, по которой личные религиозные убеждения ученых едва ли могут сыграть важную роль в обсуждении отношений религии и науки. Мы привыкли смотреть на ученого подикарски восторженно. Вот приезжает врач-европеец в туземный поселок. И туземцы, пораженные его умением снимать приступы лихорадки, начинают бегать к нему за советами во всех сферах жизни: когда просо сеять, как такое-то небесное знамение растолковать. Они не понимают, что ученый – это не всеведущий мудрец, от которого можно ждать ответов на любые вопросы. Аристотель говорил: "Мудрец, насколько возможно, знает все". Ученый же компетентен лишь в одной узкоспециальной области.

Исходя из принципа специализации, развивается и делает значительные успехи современная наука. Из-за непонимания этого принципа возникает множество заблуждений.

Но если компетенция ученого не может распространяться даже на другие области науки, то что говорить про религию и философию? Ученый – не мудрец, обязанный разбираться в вопросах этики, религии или политики. Конечно, ученый, как и всякий другой человек, не может не иметь собственных суждений в данных областях. Но с наукой, которой он занимается, они чаще всего совершенно не связаны. Ученый может рассуждать о вопросах религии или философии как обыватель, в соответствии с распространенными в его эпоху представлениями. Точно так же, как ученый может любить пирожки, не любить кошек, быть демократом или фашистом, он может быть верующим или атеистом. Вера и атеизм относятся к фактам биографии ученого, наряду со многими другими, а вовсе не к научным достижениям.

Если нам выдают все, что исходит от ученого, за "научное" (мировоззрение ли, политическое ли пристрастие), то это свидетельствует лишь о непонимании самой природы науки и научного знания. Мы воспринимаем науку как какое-то священное знание, делающее из человека мудреца, способного выдавать истину во всех областях жизни и знания. Вот, пожалуй, не менее, если не более вредное, чем астрология, заблуждение, идущее из глубины веков. Из-за него многие принимают за науку или доказанное наукой то, что к науке не имеет никакого отношения.

Рьяный борец с астрологией академик Виталий Гинзбург вольно или невольно способствует укреплению этого заблуждения. Где слышим мы голос Гинзбурга? В научно-просветительских передачах? Он пробует в популярной форме донести до широкой общественности суть тех открытий, за которые он получил Нобелевскую премию? Нет, академик направил свои усилия совсем на другое. Он пишет статьи и выступает по вопросам религии и научного атеизма. Соответственно подпись под его текстами стоит: "Академик, нобелевский лауреат". Хотя академик получал Нобелевскую премию не за атеизм, а за вклад в теорию сверхпроводников. О чем почему-то стараются не напоминать. И когда читаешь статьи Гинзбурга, пропагандирующие атеизм, мысль о том, что они написаны рукой нобелевского лауреата, приходит в последнюю очередь. Высказанные там "мысли" до ужаса банальны и слабы. А между тем их тиражируют, спекулируя научным именем известного академика. Если бы мы попросили написать что-то о религии и науке рядового инженера или кадрового работника, так же, как и Гинзбург, получивших образование и проведших большую часть жизни в Советском Союзе, они бы написали что-то подобное. Как-то неловко себя чувствуешь, когда хочешь выразить недоумение текстами Гинзбурга. Мол, "лает моська на слона": слишком велика разница в возрасте и социальном статусе между академиком Гинзбургом и автором этих строк... Но поймем, что, критикуя взгляды Гинзбурга, мы вовсе не хотим радостно ухватываться за ошибки и слабости великого человека. Мы критикуем не академика и нобелевского лауреата, а простого обывателя, воспитанного в советскую эпоху и озвучивающего общераспространенные предрассудки. Они могут быть подписаны каким угодно именем: Виталий Гинзбург или Иван Иванов – суть не меняется.

Одним из главных предрассудков, озвучиваемых Гинзбургом, состоит в отождествлении научной истины и действительности, рассматриваемых наукой, со всякой истиной и действительностью вообще. "В фундаменте научного мировоззрения лежит, с одной стороны, признание существования материи и истины... с другой стороны, признание того, что эту истину можно познать только путем наблюдений и опытов". Разумеется, научная истина познается опытным путем. Не путем же Откровения Божьего или медитации. Но разве можно делать из этого вывод о том, что существует и имеет право на существование только научная истина? Что не может быть истины, не выводимой из наблюдения природы, а получаемой из Откровения Божьего, как верят в это христиане. Далее, Гинзбург пишет, что "чудом по определению называется то, что противоречит научным данным, что не находит научного объяснения". И он прав. Но разве можно из этого заключать, что чудо вообще не может существовать, раз оно не может найти научного объяснения?

"Научный" атеизм Гинзбурга строится на каком-то наивном позитивизме: дескать, то, что не изучается наукой,

не существует вовсе и поле зрения науки совпадает со всей действительностью в целом. Кто это сказал? Наука? Но наука не может решать вопроса о статусе действительности, в рамках которой она и существует как один из видов человеческой деятельности. Нет, это сам Виталий Гинзбург решил оказать науке подобную "услугу", перечеркнув все, что существует вне ее. Из каких соображений он это сделал – сказать сложно. Может быть, гораздо проще жить в таком понятном и предсказуемым мире, где все может получить научное объяснение, чем иметь дело (хотя бы изредка) с непредсказуемой волей живого Бога? Если у религии, по Гинзбургу, имеется важная функция – утешать, то и у атеизма, подобного атеизму самого Гинзбурга, имеется не менее важная функция – успокаивать, столь востребованная в современную эпоху. Отрицая все, что находится за пределами науки, мы целиком и полностью предоставляем человека самому себе и гарантируем, что никто другой не вмешается в его жизнь. Мы закрываем двери и окна и объявляем, что все, находящееся за ними, есть не более чем плод воображения. Можно спать, жить и умирать спокойно, не боясь попасть "в руки живого Бога". Самый простой способ преодолеть страх перед возможной опасностью (а именно так воспринимает атеист Бога) – просто отрицать ее реальность.

Христианство не пытается сделать свои положения фактами научной истины. Бог или душа не могут стать предметами рассмотрения науки, в противном случае это будут уже не душа и не Бог. Бердяев пишет, что в эпоху нигилизма и вульгарного материализма 70-х годов XIX века распространенным аргументом в пользу несуществования души было то, что ее не нашли при вскрытии. Но этот аргумент курьезен. Ведь если бы душу можно было найти при вскрытии, то это была бы уже не душа, а что-то вроде аппендикса. Подобным образом и Бога нельзя найти при научном рассмотрении космоса. Поэтому совершенно прав Лаплас, сказавший, что "он не нуждается в гипотезе существования Бога". А именно на это высказывание зачем-то ссылается Гинзбург. Да, Бог не может быть научной гипотезой, а если бы Он был таковым, то Он был бы уже не Богом, а какой-то силой, подобной силам Кулона или силам тяготения. Так что несуразно отрицать существование Бога исходя из того, что Его нет там, где Он и быть не должен. А именно этим и занимается Гинзбург, провозглашая свой научный атеизм.

Гинзбург приводит определение теологии из энциклопедического словаря: "Теология – это совокупность религиозных доктрин и учений о сущности и действии Бога, сообщающего человеку знание о себе в откровении". Из этого он заключает, что признание теологии требует признания существования Бога и потому является религией. На самом деле это не так. Раздел теологии, занимающийся вопросом о существовании Бога (доказательствами бытия Божьего), незначителен. Основное содержание теологии – рассмотрение сущности и действий Бога, исходя из Священного Писания, о чем сказано и в приводимом Гинзбургом определении. Поэтому можно быть хорошим теологом, даже не признавая существования Бога. Ведь от того, существует ли описанное в понятии или нет, его содержание не меняется, как показал еще Кант. Равным образом, и не признавая существования мира, можно быть хорошим ученым. Как читаем в том же Большом энциклопедическом словаре, "цели науки – описание, объяснение и предсказание процессов и явлений действительности".

Никто никогда не доказал и не докажет независимое от наблюдателя существование тех явлений действительности, которые изучает наука. Может быть, они существуют только в нашем сознании, как, по утверждению атеистов, существует только в нашем сознании и Бог. Признание существования явлений вне нашего сознания, как и признание существования Бога, требует веры. Но и при отсутствии такой веры содержание науки, как и содержание теологии, не меняется. Как писал А. Ф. Лосев, "если и нужно для той или иной науки эмпирическое исследование и даже эксперимент, то ничто не мешает такому научному экспериментатору думать, что все это ему только кажется, а на самом деле ничего не существует: ни материи, ни эксперимента над нею, ни его самого". Даже если несуществующий камень падает на несуществующую землю и все это нам только кажется, то ускорение свободного падения от этого сознания "кажимости" не изменится. Как не изменятся атрибуты Бога, о которых мы судим по св. Писанию, даже если мы будем отрицать, что Он существует. Отсюда следует, что отвергающий теологию на том основании, что она требует веры в существование Бога, на том же основании должен отвергнуть и науку. Ведь без этой веры в существование своего предмета и наука, и теология, пусть и не претерпев изменение в содержании, утратили бы во многом свое значение. Конечно, здесь не утверждается, что теология есть наука. Но то, что она не является наукой (как и философия), не означает, что по теологическим дисциплинам не могут защищаться научные диссертации.

Наконец, скажем об астрологии, к которой Гинзбург приравнивает христианство и потому предсказывает ему постепенное отмирание. Возможно, он не знает или не хочет знать, что и до появления комиссии по борьбе с лженаукой РАН, и вообще современной науки, с астрологией уже шла ожесточенная борьба. Можно найти опровержения астрологии – и при помощи аргументов Священного Писания, и при помощи рациональных доводов. Так что борьба с астрологией, в конечном счете сделавшая возможной современную рациональную науку, явилась делом не только ученых. Сами ученые (например, Бруно и Ньютон, с механикой которого Гинзбург связывает окончательное поражение астрологии) могли увлекаться ею. Ученый тоже человек, и то, что он ученый, еще не дает ему абсолютного иммунитета перед астрологией и прочими формами оккультизма. И потому едва ли наука сама в состоянии справиться с тем потоком верований, которые грозят ее смыть. "Свято место пусто не бывает". Если христианство уйдет из общественной жизни, то его место займут те культы, с которым христианство борется: "восточная мистика", астрология и прочий оккультный гнозис. А с кем науке легче уживаться – с христианской верой, сознательно выносящей свой предмет из поля зрения науки, или оккультизмом, пытающимся мистифицировать всю действительность? Ответ ясен: "Наука хотя и довольно хорошо может уживаться с верой, но едва ли может ужиться с гнозисом, который сам хочет стать настоящей наукой" (М. Бубер).